

Збруев Александр

Александр ЗБРУЕВ:

ЗАЧЕМ НАМ ИХ КОТЛЕТЫ

Неделя — 1997 — № 7 — с. 14

В новой постановке В. Фокина «Последняя ночь последнего царя» Александр Збруев играет Николая II. Кажется, трагический образ притягивает к себе драматические ситуации. Збруев расшиб голову. Во время репетиции на него упала лошадь. Правда, не настоящая — декорация, но «скорую», тем не менее, пришлось вызывать. Ленкомовская знаменитость общалась со мной, будучи украшена элегантною повязочкой. И оттого все слова Збруева приобретали особую весомость.

— Александр Викторович, люди и в обыденной жизни играют. Вы, профессионал, наверное, сразу чувствуете фальшь?

— Все хотят выглядеть лучше, чем они есть на самом деле. Особенно в молодости. Стараясь самоутвердиться, человек порой совершает поступки, которые на самом деле ему не свойственны. А потом маска слетает и происходят трагедии. По-моему, можно не делить людей на актеров и не-актеров. Есть артисты, которые блестяще играют в жизни и плохо — на сцене. С возрастом я убедился: человек должен всегда оставаться самим собой. Конечно, и у меня бывают ситуации, когда не хочется улыбаться, а приходится. Главное, чтобы эта улыбка не оказывалась подобострастной или гаденькой — в угоду тому, кто не нравится.

— А где труднее играть — в жизни или на сцене?

— В жизни. Она ведь такая сложная, безумная, корявая и подлая, с канавами, ухабами, предательством... Надо уметь защищать себя, чтобы выжить и не остаться калекой. Особенно в нашей стране, потому что она у нас плохая. Здесь все создано не для человека, а вопреки ему. А кино, театр — это островок надежды, та иллюзия, фантазия, где можно проверить свои взаимоотношения с миром. Театр — это философия жизни. За рубежом зачастую учатся актерскому искусству не для того, чтобы играть на сцене, а для того, чтобы познавать мир.

— А в каком случае вы не позволите себе играть?

— Не знаю. Единственное, что могу сказать, — на подлость не пойду никогда. Я уверен, потому что жизнь меня проверила. В России, конечно, нельзя зарекался ни от сумы, ни от тюрьмы... Вообще люди проверяются отношением к чужой удаче. Легко погладить несчастного по голове и сказать: «Э, милый, у тебя зуб болит, так пойдешь его вырви». А как ты отнесешься к человеку, у которого успех? Сможешь искренне порадоваться за него? В творческом мире, увы, зависть — это норма.

— Многие актеры сегодня занимаются бизнесом, снимаются в рекламе...

— Время такое. Мы словно в темной комнате: в углу что-то засветилось, и все бросились туда. На ощупь. Пока доберешься до светлячка, столько шишек набьешь! И это не было бы заметно, если бы один или два человека засветились, но если все — значит, жизнь заставила. Хочется, чтобы зритель понимал: у актеров тоже дети и семьи, груз ответственности.

— Ваше самое большое разочарование последнего времени?

— Смотрел по телевизору церемонию открытия ресторана «Планета Голливуд». Шварценеггер, Депардье... Их встречали толпы людей, с ними возились крупные чиновники. Западные звезды явились в футболках, куртках. Я посмотрел на наших — они были в смокингах, бабочках. Рядом с Арнольдом, у которого куртка нараспашку, наши любимые артисты в белых воротничках стали похожи на официантов. Чудовищно. Горько смотреть, тем более что там были мои товарищи.

— Вы им об этом скажете?

— Нет. Они меня не поймут: ты не прав, мы будем там встречаться, общаться... А зачем нам есть их котлеты? Приходите к нам, у нас есть свой ресторан «ТРАМ». Нет ведь, не придут...

— Не собираетесь заняться политикой, по примеру многих знаменитостей?

— Я не был ни пионером, ни комсомольцем, ни, тем более, коммунистом. А к тем, кто прошел через компартию, отношусь сдержанно. У нас в театре был такой бездарный период между Эфросом и Захаровым, когда хлынуло большое количество молодежи из театральных вузов. Они сегодня смогли чего-то добиться на актерском поприще. Но я очень хорошо помню, как они пришли в театр и тут же вступили в компартию. А я был сыном врага народа. Мой отец, крупный инженер, занимался восстановлением телевидения, его расстреляли. Матери позволили родить меня в Москве, а затем отправили в лагерь. Когда мы вернулись в Москву, мне шел шестой год. Меня гоняли из одной школы в другую. Однажды на линейке, когда всех принимали в пионеры, мне тоже повязали галстук. А через два дня так же, на линейке, сняли.

— Переживали?

— Не очень. Жалко было галстук — красивый. Но сильно не расстраивался, поскольку в школе времени я проводил мало. Меня больше устраивало общество арбатской шпаны.

— Как сложились судьбы ваших арбатских товарищей?

— По-разному. Кого-то давно нет в живых, кто-то спился, кто-то до сих пор ходит «в законе». Один есть — заслуженный врач. Я случайно его встретил, он как раз обмывал награду. Такой взрослый, солидный человек стал...

— И вы могли бы «в законе» ходить или врачебные награды обмывать...

— Я плохо в школе учился, не знал алгебры, тригонометрию. Если бы не мама, я бы школу, наверное, так и не закончил. У мамы было актерское образование, но играть ей не пришлось. Мой старший брат всю жизнь работает в Вахтанговском театре. Я, несмотря на свой «шпанский» образ жизни, сызмальства бывал там — благо, жили недалеко от театра. Видел игру блестящих мастеров. Это сильно повлияло на мой выбор.

— Сейчас на Арбате бываете?

— Иногда. Обязательно захожу в свой двор. Но там все уже другое. И деревья, которые при нас сажали, теперь кажутся вековыми. Я люблю ходить по городу, могу гулять долго, не останавливаясь...

— Поклонники не одолевают?

— Нет. Все нормально. Улыбаются, просят автограф, просто здороваются. Но еще больше мне нравится выезжать за город, подальше от Москвы. Отдыхаю в машине, когда еду один.

— Скажите, какие качества вы сохранили с детства?

— Чувство локтя. Способность пережить боль. Я теперь понимаю, как многому меня научили двор, ребята, Арбат. В них была настоящая искренность, пусть даже в чем-то криминальная, но это были открытые души, они ничего не скрывали, говорили, не пряча глаз. А сейчас у меня как бы и друзей-то нет. Так — товарищи, приятели...

На этой неделе вы можете увидеть Александра Збруева в спектаклях «Мудрец» (театр «Ленком») и «Последняя ночь последнего царя» (в помещении выставочного зала «Манеж»).

— Вы довольны собой нынешним?

— Не думаю, что сегодня кто-то может быть доволен собой. Я не сыграл то, что хотел и мог, не снялся, где можно было сняться. Я чувствую, что мог бы сделать больше. Не в смысле количества, а в смысле значимости. Я иногда даже не понимаю, почему ко мне так хорошо относятся зрители. Не было у меня Роли! И это не мое тщеславие говорит, а неиспользованная энергетика.

— Когда вам плохо, традиционно мужские приемы используете? Например, алкоголь?

— Напиться и забыться? Нет, это не для меня. Не поможет. Я же в свое время прошел арбатскую школу. Ну, напился — утром протрезвеешь. А потом все переживания обрушатся с двойной силой. Хотя был один случай. Я снимался в фильме Д. Астрахана «Ты у меня одна». По моему внутреннему ощущению, фильм состоялся. Получил Гран-при за лучшую мужскую роль на «Кинотавре». И вот идет церемония вручения Ники в Доме кино. Было чувство, что она моя... Это вопрос и тщеславия, и самоутверждения. Но — не сложилось. Мне показалось, что виной тому не очень чистоплотная ситуация. Хотя, возможно, я и ошибаюсь. Ужасно расстроился. Пришел домой, всплакнул и выпил водки. На следующий день был в норме. Но, вообще, я ищу спасение в простом человеческом понимании. Что-то типа «поплакаться в жилетку».

— В кино у вас ампула героя-любownika, а актеру Збруеву какие женщины нравятся?

— Это во многом зависит от настроения. Нравятся женственные, обаятельные. Я порой женщине и глупость прощаю, поскольку наивность и незащищенность глупых женщин подчас очень трогательна. Каждая женщина хороша. Фашисты, между прочим, проводили жуткие эксперименты в лагерях. Доводили мужчину до полного истощения. Когда он находился уже на пороге смерти, к нему на нары клали женщину. И она его лечила своим теплом, прикосновениями. И через некоторое время мужчина возвращался к жизни! Понимаете?

— На ОРТ вы снялись в социальной рекламе «Берегите любовь». У вас есть рецепт — как сберечь любовь?

— Я вообще человек влюбчивый. И иду навстречу любви. Но я никогда не боролся за любовь, я предпочитал страдать.

— Александр Викторович, что в жизни для вас самое страшное?

— Человеческая беспомощность. Подножки в темноте.

Ирина ТАГИРОВА
Фото Валерия ПЛОТНИКОВА